

УДК 343.2/.7

В статье анализируются антикоррупционные поправки, внесенные в УК РФ 03.07.2016 г., а также проект федерального закона, запрещающий применение условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления. Новеллы, внесенные в УК РФ, по мнению автора, противоречат фундаментальным положениям теории уголовного права. В законопроекте же об условном осуждении усматривается рациональное зерно, но ввиду принципиальных изъянов он нуждается в существенной доработке.

Ключевые слова: антикоррупционные поправки; законодательные инициативы; УК РФ; анализ; закон от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ; законопроект; взяточничество; коммерческий подкуп; условное осуждение.

In the article the author analyzes anti-corruption amendments made to the Criminal Code 03.07.2016, and also the draft Federal Law, which prohibits the use of probation to persons who have committed corruption crimes. Innovations which are brought in the Criminal Code of the Russian Federation according to the author, contradict fundamental provisions of the theory of criminal law. At the same time, the draft law on probation has a positive side, but due to the fundamental flaws it needs substantial improvement.

Keywords: anti-corruption amendment; legislative initiative; Criminal Code of the Russian Federation; analysis; Act of 03.07.2016, No. 324; bill; bribe; commercial bribery; probation.

А. В. Иванчин

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru*

Антикоррупционные законодательные инициативы 2016 года (реализованные в УК РФ и обсуждаемые): теоретико-прикладной анализ*

Научная статья

A. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Anti-Corruption Legislative Initiative 2016 (implemented in the criminal code and under discussion): Theoretical and Applied Analysis

Scientific article

За 20-летие действия УК РФ 1996 г. нормы, направленные на борьбу с коррупцией, многократно реконструировались. Текущий год не стал исключением в этом плане: в июле были трансформированы статьи о взяточничестве и коммерческом подкупе, а в августе в Государственную Думу РФ внесен еще один законопроект антикоррупционного характера. Рассмотрим внимательно эти законодательные инициативы, в том числе уже реализованные в уголовном законе.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ в нормы о взяточничестве и коммерческом подкупе был внесен ряд принципиальных корректив. Ныне в ст. 204, 290, 291 УК (равно как

и в ст. 184) говорится о получении управленцем или должностным лицом взятки с важной и ранее отсутствовавшей в законе оговоркой – «в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу».

Мотивы такого дополнения диспозиций статей о взяточничестве и коммерческом подкупе в Пояснительной записке к проекту указанного федерального закона объяснены необходимостью выполнения взятых на себя Россией международных обязательств, согласно которым «каждое государство-участник принимает необходимые меры для признания уголовно наказу-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00478.

емыми деяниями умышленные предложения, обещания или предоставления любых неправомысленных преимуществ иностранному должностному лицу, в пользу такого должностного лица или третьего лица» [1].

Полагаем, что это очередной пример поспешного и надлежащим образом непроработанного законодательного решения, пополнившего и без того богатый перечень сомнительных новелл УК РФ. Дело в том, что с дореволюционной поры и по сей день господствует (и обоснованно, на наш взгляд) трактовка получения взятки как корыстного преступления. Так, ровно 100 лет назад видный ярославский криминалист В. Н. Ширяев (последний директор Демидовского юридического лицея и первый ректор ЯрГУ) писал, что «взятничество – деяние корыстное, учиняемое по побуждениям корыстным» [2, с. 519]. Еще раньше составители Генерального регламента, или Устава государственной гражданской службы в России XVIII–XIX веков, изданного 28 февраля 1720 г. и подготовленного при участии Петра I, не щадили красок, чтобы как можно ярче обрисовать корыстную сущность взятки, называя ее «мерзким лакомством, прелестным только для одних подлых и ненасытных, сребролюбием помраченных душ» [3, с. 137].

В современный период Б. В. Волженкин подчеркивал, что «получение взятки – умышленное корыстное преступление» и что «корыстные мотив и цель данного преступления непосредственно не зафиксированы в тексте уголовного закона, но вытекают из самой природы получения взятки как специального вида корыстного злоупотребления должностными полномочиями и материального характера предмета взяточничества» [4, с. 220]. Идентичное мнение применительно к ст. 204 УК высказано и С. В. Изосимовым: «В диспозиции нормы, предусматривающей ответственность за коммерческий подкуп, специальное указание на корыстные мотивы и цели отсутствует. Тем не менее мы полагаем, что указанные признаки субъективной стороны являются обязательными для данного состава» [5, с. 679–680].

Но что понимать под корыстью? Здесь, как и практически по любому иному правовому вопросу, в доктрине представлена палитра мнений. Думается, однако, что наиболее убедитель-

ный и по праву доминирующий среди специалистов ответ на данный вопрос дал А. И. Рарог: «Теоретические соображения и примеры из судебной практики позволяют утверждать, что преступление может быть квалифицировано как совершенное из корыстных побуждений лишь в тех случаях, когда его психологической причиной послужило стремление виновного к извлечению материальной выгоды лично для себя или для других лиц, благосостояние которых не безразлично для виновного...» [6, с. 197–198]. То есть материальная выгода должна быть извлечена не в пользу *любого* третьего лица, а субъекта, близкого для виновного (лишь в порядке исключения в литературе можно встретить иную – широкую – трактовку корысти [7, с. 25–26]).

Применительно к должностным преступлениям данное господствующее в доктрине и практике положение четко сформулировано Б. В. Волженкиным, писавшим, что корыстная цель имеет место в случае, если чужое имущество обращено в пользу: «1) виновного; 2) лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) других лиц, являющихся соучастниками преступления» [4, с. 153]. И еще: «Принятие с ведома должностного лица незаконного вознаграждения за соответствующее его поведение членами семьи данного должностного лица или иным близким ему лицом, о материальном благополучии которых он считает себя обязанным проявить заботу, образует оконченное взяточничество» [4, с. 217].

Тожественную позицию занял и Пленум Верховного суда РФ в 2000 г., дав в отмененном постановлении следующее разъяснение: «Если имущественные выгоды... предоставлены родным и близким должностного лица с его согласия либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя, действия должностного лица следует квалифицировать как получение взятки» [8, с. 3].

Однако, как известно, при разработке нового постановления по рассматриваемому вопросу возникли разногласия: «Острую дискуссию, – пишет П. С. Яни, – вызвал вопрос о том, является ли получение взятки корыстным преступлением, и если да, то как в таком случае понимать – широко либо узко – корыстную заинтересованность должностного лица. На заседании Пленума рассматривалось, однако было отвергнуто такое

понимание мотива получения взятки, согласно которому, если имущество, имущественные права, услуги имущественного характера получены должностным лицом для использования в интересах других лиц, в том числе юридических, или непосредственно предоставлены по требованию должностного лица либо с его согласия указанным лицам за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, содеянное следует квалифицировать как получение взятки. ... Принятие такого варианта разъяснений существенно расширило бы пределы действия норм об ответственности за взяточничество, и подобное понимание, полагаю, также допустимо с учетом неполной ясности законодательных формулировок и возможности их различного толкования. Однако Пленум принял узкий вариант трактовки мотивов взяткополучателя...» [9, с. 24].

Примечательно, что в одном из вариантов проекта нового постановления прямо указывалось, что «по смыслу закона получение взятки является преступлением, совершаемым из корыстных побуждений» [10, с. 6]. И хотя это положение в итоге было исключено, именно оно положено в основу конкретных разъяснений Пленума. Так, в п. 23 постановления от 09.07.2013 № 24 разъяснено: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь). При наличии к тому оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий» [11].

Очевидно, что получение взятки обоснованно истолковано Пленумом в соответствии с его природой как корыстное преступление и, соответственно, для вменения ст. 290 УК требуется установить, что имущественная выгода адресо-

вана либо должностному лицу, либо его родным или близким (в том числе юридическим лицам, например обществу, в состав учредителей которого входит «аффилированный» с должностным лицом человек).

Все эти положения теории и результат коллективного и кропотливого труда разработчиков постановления фактически безмотивно перечеркнул законодатель в 2016 г. путем дополнения ст. 204, 290, 291 УК фразой о том, что взятка по указанию должностного лица может быть передана иному физическому или юридическому лицу. Как видим, данная формулировка закона является широкой и не ограничивает круг бенефициаров, позволяя вменять, например, ст. 204 управленцу, незаконно получившему материальную помощь для нужд организации, в которой он работает. Есть, конечно, вероятность того, что практика по-прежнему будет узко толковать корыстный мотив взяточничества и коммерческого подкупа (тем более если останется неизменным п. 23 постановления от 09.07.2013 № 24), но такой вариант, по нашему мнению, маловероятен именно *по причине широкой формулировки новых редакций ст. 204, 290, 291 УК.*

В качестве обоснования данного законодательного шага, как уже отмечалось, была сделана ссылка только лишь на международные обязательства России, которые диктуют необходимость криминализации «любых неправомερных преимуществ в пользу должностного лица или *третьего лица*». Но ведь согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ предоставление имущественной выгоды другим лицам (не родным или близким), в том числе юридическим, квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями либо как их превышение. И практика такая – достаточно обширная – давно сформировалась [12, с. 97–99]. Чаще вменяется ст. 285 УК, но встречаются и примеры оценки содеянного как превышения полномочий. Так, в 2013 г. П. была осуждена по ч. 1 ст. 286 УК за то, что, являясь заместителем директора средней школы по учебно-воспитательной работе, требовала и получала с родителей денежные средства («добровольное пожертвование») в качестве условия принятия их детей в образовательное учреждение, а затем тратила полученные средства на хозяйственные нужды учреждения [13]. Квалификация подобных действий служащих по ст. 285 и 286 УК хорошо

известна и практике Ярославской области [14, с. 45–46]. Таким образом, соответствующие злоупотребления должностных лиц и управленцев уже криминализованы.

В данном случае напрашивается проведение параллели со старым и неутраченным спором о необходимости законодательно признать взяткой нематериальную выгоду. И аргумент сторонников, как известно, все тот же – международные обязательства России. Но контраргумент и здесь идентичен: получение нематериальных услуг за различные формы служебных злоупотреблений оценивается, по общему правилу, по ст. 285, 286 (в публичной сфере) или ст. 201 УК (в непубличной) [15, с. 167]. О необходимости какой криминализации тогда идет речь?

Задача активизации борьбы с коррупцией не означает, на наш взгляд, отказа от цели дифференциации в уголовном законе ответственности за различные по уровню общественной опасности служебные злоупотребления. Совершенно очевидно, что есть качественные отличия в уровне опасности между получением взятки, когда субъект «торгует должностью», обогащая себя или своих близких, и злоупотреблением полномочиями, когда служащий незаконно и чаще всего из ложно понимаемых интересов службы улучшает материальное положение возглавляемой им организации или стороннего лица. И эти отличия должны рельефно отображаться в уголовном законе. Представляется, что именно такой подход к оценке разных по своей сути коррупционных проявлений, а не попытка искусственного расширения законодательных рамок взяточничества и коммерческого подкупа в большей мере отвечает принципу справедливости и фундаментальным положениям теории уголовного права.

Теперь оценим проект федерального закона «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса РФ в части отмены применения условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления», который в начале августа внесли в Госдуму депутаты С. М. Миронов и О. Л. Михеев, и который, согласно официальной информации, находится сегодня на рассмотрении Госдумы [16]. Согласно тексту данного законопроекта ст. 73 УК предлагается дополнить запретом на применение условного осуждения за преступления, предусмотренные ст. 201, 204,

285–286, 289, 290, 292, 292.1, 299–301, 303, 305 УК РФ. Речь идет, среди прочего, о коммерческом подкупе, злоупотреблении должностными полномочиями, нецелевом расходовании бюджетных средств, превышении должностных полномочий, незаконном участии в предпринимательской деятельности, получении взятки, служебном подлоге, незаконной выдаче паспорта гражданина РФ, привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконном освобождении от уголовной ответственности.

В пояснительной записке к данному законопроекту говорится, что он направлен на «усиление защиты гражданина и общества от преступлений коррупционной направленности». «Безнаказанность коррупционеров, а именно так в общественном сознании воспринимается условное осуждение, умаляет авторитет органов публичной власти» [16], – отмечают авторы проекта.

Чтобы разобраться, насколько оправдана указанная законодательная инициатива, считаем целесообразным высказать ряд соображений общего характера по вопросу об условном осуждении. Сегодня данный институт известен законодательству и судебной практике большинства современных стран. Правда, в зарубежных странах это правовое явление порой именуют иначе («пробация» – в УК штата Нью-Йорк; «условная отсрочка наказания» – в УК ФРГ и т. д.). Российское имя этого феномена – «условное осуждение» – вряд ли может считаться оптимальным, так как осуждают человека при применении ст. 73 УК отнюдь не условно, а безусловно. Суд назначает наказание, которое при наличии определенных условий реально не отбывается. Поэтому условным является не осуждение, а наказание. Но термин «условное осуждение» в нашем законе и лексиконе прижился, и на его неточность специалисты уже давно «закрывают глаза».

Упомянем также, что в дореволюционном уголовном законодательстве России данный институт отсутствовал, так как большинство видных криминалистов того времени отрицало его пользу, указывая, что условное осуждение подрывает принцип неотвратимости наказания [17, с. 363]. Впервые же институт условного осуждения был введен Декретом о суде № 2 в 1918 г. и с тех пор прочно обосновался в уголовном законодательстве России.

На сегодняшний день *важность и необходимость института условного осуждения не оспаривается*. Открытым остается лишь вопрос о пределах его использования. И ответ на данный вопрос позволяет, как представляется, дать надлежащую оценку упомянутому выше законопроекту. Первоначальная редакция ст. 73 УК 1996 г. допускала применение условного осуждения за любые преступления, т. е. никаких запретов на тот момент не было. Такое решение разработчики УК 1996 г. мотивировали тем, что условное осуждение – продуктивная мера, порой более эффективная, нежели наказания, альтернативные лишению свободы. И суд, по их мнению, сам должен разбираться, когда с учетом данных о личности преступника данная мера будет оправдана, а когда – нет. В то же время уже на этапе принятия УК начали раздаваться сначала робкие, а затем все более уверенные и решительные возражения против такого подхода. Ряд ученых открыто заявили, что нельзя признать правильным широкое применение условного осуждения к осужденным за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления [18, с. 32]. Не случайно, в ст. 73 Модельного УК для стран СНГ его разработчики закрепили положение о неприменении условного осуждения «к лицам, осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления» [19, с. 385].

Действительно, недопустимо превращать исключение из правила о неотвратимости наказания (а ст. 73 УК – это действительно очевидное исключение) в само правило. Первые 7–8 лет после принятия УК доля условного суждения не опускалась в России ниже 50 % от общего числа осужденных. Ничего себе исключение! Поэтому постепенно в среде отечественных правоведов возобладали точка зрения, с которой мы всецело солидарны, о том, что сферу применения условного суждения необходимо ограничить в самом уголовном законе [20, с. 80]. В свое время в кандидатской диссертации, защищенной автором этих строк в 2002 г., приводились примеры, когда суды, пользуясь вседозволенностью ст. 73 УК, к условным срокам приговаривали виновных в убийстве [21, с. 168]. Очевидно, что уголовный закон не может предоставлять суду столь широкие дискреционные полномочия.

Наконец, и к законодателю пришло осознание того, что нужно исправлять ситуацию. И «первой ласточкой» на этом пути стало дополнение

в 2003 г. ч. 1 ст. 73 УК указанием о том, что условное осуждение применяется при назначении лишения свободы лишь на срок до восьми лет. Дальше казуистические правки больше: круг запретов ширился. Согласно действующей редакции ч. 1 ст. 73 УК условное осуждение не назначается: осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 1–3 ст. 206, ст. 360 УК; при опасном или особо опасном рецидиве и т. д.

С учетом изложенного в законодательных инициативах, направленных на ограничение сферы применения условного осуждения, на наш взгляд, есть рациональное зерно. И принцип справедливости, и идея неотвратимости наказания, и задачи предупреждения преступности, и интересы потерпевших диктуют необходимость применения к преступнику не виртуальной меры, а реального наказания, предусмотренного санкцией уголовного закона. Другое дело, что такого рода инициативы должны быть взвешенными, а предлагаемые ограничения разумными. К сожалению, законопроект С. М. Миронова и О. Л. Михеева, внесенный в Госдуму, указанным требованиям отвечает, как представляется, далеко не в полной мере.

Во-первых, несмотря на заявления о борьбе с коррупцией, далеко не все преступления, за совершение которых авторами законопроекта предлагается наказывать преступников исключительно реально, являются коррупционными. Понятие коррупции дано в ст. 1 Федерального закона 2008 г. «О противодействии коррупции» [22, с. 2], и, например, ст. 286, 292, 299, 303, 305 УК к проявлениям коррупции, согласно данному закону, не относятся. При этом явные коррупционные преступления (посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК)), по труднообъяснимым причинам оказались вне предлагаемого перечня. Такое впечатление, что законопроект готовился «впопыхах».

Во-вторых, о nepозволительной скороспелости данного проекта свидетельствуют и его явные внутренние противоречия. Например, с одной стороны, предлагается запретить применение условного осуждения к лицам, виновным в передаче предмета коммерческого подкупа (ч. 1 и ч. 2 ст. 204 УК), а, с другой стороны, ничего

не говорится о взяткодателях (ст. 291 УК), опасность и коррупционная составляющая действий которых явно выше первых.

В-третьих, считаем недопустимым и несправедливым вводить ограничения на применение условного осуждения безотносительно к опасности того или иного преступления. В предлагаемом перечне, в нарушение принципа справедливости и здравого смысла, уживаются преступления небольшой тяжести (ч. 1 ст. 204 УК и др.), средней тяжести (ч. 1 ст. 285 и т. п.), тяжкие (ч. 3 ст. 286 и др.) и особо тяжкие (например, ч. 5 и 6 ст. 290 УК). Очевидно, что если законодатель оценивает степень опасности того же служебного подлога (ст. 292 УК) относительно невысоко, то логически необъяснимо и контрпродуктивно запрещать условно осуждать виновных в этом преступлении.

В-четвертых, давно доказано, что казуистический способ изложения нормы проигрывает по большинству параметров абстрактному [23, с. 47]. Первым это обстоятельство проигнорировал законодатель, когда стал вносить в ст. 73 УК казуистические правки, указывая отдельные статьи Кодекса, при осуждении по которым запрещено применять условное осуждение. Этот пример оказался заразителен, и вслед за правотворцем уже авторы обсуждаемого законопроекта предлагают дополнить круг запретов отдельными коррупционными (а на поверку оказывается и псевдокоррупционными тоже) преступлениями. Непонятно, однако, зачем идти по казуистичному пути, заведомо грешащему пробельностью? Неужели только с педофилией и коррупцией плохи дела в нашей стране? Неужели все хорошо с динамикой убийств, наркопреступлений, организованной преступностью и терроризмом, фальшивомонетничеством и т. д. и т. п.?

Учитывая, что мерилом общественной опасности того или иного преступления является грозящее за него наказание (санкция), а строгость санкции предопределяет категорию преступления, гораздо продуктивнее, на наш взгляд, вводить ограничения на применение ст. 73 УК «в привязке» к категории преступления (в отдельных случаях – к размеру наказания в санкции). Так, давно напрашивается введение запрета на применение условного осуждения за все особо тяжкие преступления, что автоматически исключит возможность назначения «условного срока»

наиболее опасным коррупционерам (осуждаемым по ч. 8 ст. 204, ч. 5 и 6 ст. 290, ч. 4 и 5 ст. 291 УК и т. д.). В этой связи не можем не отдать должное авторам Модельного УК для стран СНГ, прописавшим в ст. 73, как уже отмечалось, запрет на применение условного осуждения к лицам, совершившим особо тяжкие преступления.

Подводя же итог оцениваемому законопроекту, отметим важность своевременной корректировки политики противодействия коррупции и выразим надежду, что антикоррупционные поправки, вносимые в УК РФ, будут взвешенными, системными, отвечающими социальным реалиям, принципам уголовного закона и фундаментальным положениям доктрины.

Ссылки

1. Пояснительная записка к законопроекту. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51981> (дата обращения: 10.10.2016).
2. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. 623 с.
3. Законодательство Петра I / отв. ред. Т. Е. Новицкая, А. А. Преображенский. М., 1997. 484 с.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.
5. Изосимов С. В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. СПб., 2013. 948 с.
6. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. 234 с.
7. Яни П. Корысть как признак получения взятки // Законность. 2010. № 2. С. 25–26.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 (ред. от 22.05.2012) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 3–10.
9. Яни П. С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11. С. 20–24.
10. Обсуждавшийся участниками конференции проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике

по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. № 5. С. 3–11.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Пудовочкин Ю. Получение взятки как корыстное преступление // Уголовное право. 2013. № 5. С. 97–99.

13. Приговор Брянского районного суда Брянской области по делу № 1-29/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Иванчин А. В., Каплин М. Н. Служебные преступления. Ярославль, 2013. 108 с.

15. Иванчин А. В. Спорные вопросы квалификации должностных преступлений // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск). Хабаровск, 2013. С. 162–168.

16. Пояснительная записка к проекту закона «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса РФ в части отмены применения условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1142245-6&02> (дата обращения: 10.10.2016).

17. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть общая. Изд. 11. П.г, 1915. 617 с.

18. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 59 с.

19. Модельный уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Международные правовые акты государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью. М., 1999. 481 с.

20. Кругликов Л. Л. Условное осуждение: правовая природа, вопросы реализации // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2002. С. 74–82.

21. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 201 с.

22. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 дек. С. 2–5.

23. Соловьев О. Г. Конструкции экономических преступлений в зарубежном кодифицированном законодательстве: применение казуистического приема // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 46–48.